

АГРЕССИВНОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

Ольга Андреевна Голубева

*Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
Olya-gol@yandex.ru*

Аннотация. Определяется агрессивное сознание как социально-культурный феномен, его смысловые, ценностные контуры, причины и формы проявления. Традиционно принятые в обществе правовые и нравственные индикаторы нормы, «правильного» и «доброго» (неагрессивного), рассматриваются как относительные, выражающие в своем исторически конкретном виде лишь определенные предпосылки существования граней и пределов индивидуальной свободы. Отражая эволюцию самого неклассического философско-антропологического знания в новейшее время, проблематизация агрессивного сознания проводится с использованием концепта «трансгрессия». С его помощью определяется противоречие между господствующей гедонистической установкой массовой культуры и нарастающим потенциалом агрессивного типа мышления и поведения. В условиях интенсивного обустройства жизненной «среды» и ее же все более тесного сращения с правовыми формами (усиление регуляции и контроля) пользователь-потребитель «благ» теряет опыт опосредования своего мышления и деятельности пределами и границами. Количественный рост трансгрессивных акций не реализует желание «предела». Агрессивное сознание на самом деле компенсирует диффузию нормы и аномалии, одновременно сохраняя баланс между субъектом и предметом его потребления в рыночной культуре.

Ключевые слова: агрессия, сознание, преступление, трансгрессия, мораль, право, предел, модерн, постмодерн, противоречие

Для цитирования: Голубева О.А. Агрессивное сознание и его культурные смыслы // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 34–41.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-34-41

AGGRESSIVE CONSCIOUSNESS AND ITS CULTURAL MEANINGS

Olga A. Golubeva

*Federal State Educational Institution of Higher Education, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia,
Olya-gol@yandex.ru*

Abstract. Aggressive consciousness is defined as a socio-cultural phenomenon, its semantic, value contours, causes and forms of manifestation. The relevance of this research stems primarily from the fact that traditional moral and legal boundaries and limits in the life of an individual or society as a whole, in their historical development, reveal their own limitations, relativity, and instability. The status and meaning of aggression as a strategy of thinking and behavior are far from always negative and destructive. Furthermore, the author demonstrates the essential connection between the aggressive model of «self-identity» and transgression as a universal property of human nature. This approach achieves the main goal of the study: identifying the contradiction between the hedonistic attitude dominant in contemporary urban mass culture and the growing potential of aggressive consciousness with its corresponding ideals, goals, and values. As a result of the analysis, the author concludes that, under conditions of intensive development of the living «environment» and its increasingly close fusion with legal forms, the consumer of «goods» loses the experience of a borderline existence (being). The quantitative growth of transgressive actions does not quench the thirst

for the «limit». At the same time, aggressive consciousness is capable of compensating for the diffusion of norms and anomalies, while simultaneously maintaining a balance between the subject and the object of their consumption in a market culture.

Key words: aggression, consciousness, crime, transgression, morality, law, limit, modernity, postmodernity, contradiction

For citation: Golubeva O. A. Aggressive Consciousness and Its Cultural Meanings. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2025. No 4. P. 34–41

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-34-41

Original article

Современное общество, равно как и философия, отличаются повышенным интересом к проявлениям деструктивности в жизни людей. Теоретический интерес к маргинальности в культуре, к аномалиям социального развития, лиминальным состояниям как интегральному свойству культурно-антропологического опыта в его постмодернистской интерпретации, находит свой прямой отклик и подтверждение в значительном росте популярности трансгрессивных стратегий мышления и деятельности в массовой культуре. Они сегодня изначально выстраиваются как опыт перехода существующих (транслируемых или просто наследуемых) норм, правил, границ, различных «табу» и ценностных установок. Культурные аномалии и девиации, конечно, были известны во все исторические эпохи. Но в новейшее время сознательное переступание общепринятых в обществе границ и пределов (в первую очередь, нравственных и правовых) становится пропагандируемой, активно тиражируемой различными институтами и каналами массовой коммуникации, *ценностью*. Публичное дискурсивное пространство и область философского смыслоопределения полнится нарративами, так или иначе проповедующими не-нормальное в качестве маркера экзистенциально-онтологической подлинности, суверенности субъективного опыта, его аффирмативности и продуктивности. На смену романтизации и известной поэтизации «зла» в культуре европейского и российского модерна XIX в. пришло открытие различных иных, *возможных*, «миров опыта», которые не укладываются в привычные рамки и логические связи нормированной, реальности жизни общества и индивида.

Использование концепта «агрессивное сознание» методологически и предметно пересекается с богатыми по истории и по объему кейсами психологического, социологического и даже правоведческого (в части исследований агрессии как основы преступных форм девиации) знания.

Классическим примером исследования агрессии как культурно-антропологического феномена является концепция Э. Фромма. Ученый различает агрессию «доброкачественную» и «злокачественную». При этом суть последней носит всецело культурно заданный характер (связана со спецификой экзистенциально-онтологической ситуации субъективности, обладающей как первичной «природой», так и «свободой») [1].

В статье под «агрессивным сознанием» с учетом достижений неклассических исследований актуальных треков массовой культуры понимается сознание, активно устремленное к практически бесконечному слову любых пределов и норм, оказывающихся в орбите его восприятия. Главное – в современной культурной ситуации такая агрессия *не насыщается* и постоянно «требует» как новых границ, так и их слома для дальнейшего и еще более интенсивного устремления за пределы. Почва агрессивного сознания носит социально-культурный характер: противоречия человеческой свободы еще более обостряются по мере углубления отчуждения и популяризации потребительского отношения к жизни в массовой культуре.

Цель статьи – определить глубинные причины и содержание укрепления паттернов и целей агрессивного сознания в современном социокультурном контексте в связи с преобладанием в нем трансгрессивных практик и смыслов.

Две основные задачи статьи: исследование предпосылок, причин кардинального расширения семиотики и смыслового фона агрессивного сознания в современной культуре, не вытекающего прямо из ее гедонизма и всеобщей «дозволенности»; анализ возможных перспектив минимизации агрессии и агрессивного сознания в современных условиях противоречивого расширения «практик свободы» и их институционально-правовой регуляции.

Концептуальное основание и методология исследования агрессивного сознания опирают-

ся на ряд работ таких авторов, как Ж. Бодрийяр (идея «прозрачности зла», во многом проливающая свет на причины ненасыщаемости танатальной энергии агрессивного сознания) [2]; Т. Коуэн (идея поляризации коммуникативных практик в современном обществе) [3]; Ж. Липовецки (анализ гедонистической трансформации форм личностной идентификации) [4]; К. Лэш (исследование причин доминирования разрушительных «ценностей» в современной культуре) [5]; Э. Фромм (различие и спецификация «злокачественной» культурно заданной агрессии) [1]; М. Фуко (в статье использован прежде всего его подход к определению сущности трансгрессии и становлению дискурсивных практик дифференцирующих преступления и наказания в западной традиции) [6; 7]. Раскрытию сущности агрессивного сознания способствуют и исследования культурной трансгрессии, представленные трудами С. Foust [8], С. Jenks [9], R. Lippens, J. Hardie-Bick [10], M. O'Neill, L. Seal [11], P. Stallybrass, A. White [12], J. Wolfreys [13], в которых затрагиваются в том числе и вопросы влияния информационной сетевой среды на отношение к нормам и аномалиям. Кроме того, большим потенциалом для изучения культурных смыслов агрессивного сознания играет разрабатываемая A. Arrigo Bruce и Sellers Brian так называемая «культурная криминология» [14; 15].

Современная культура целенаправленно популяризирует трансгрессивный опыт, обладающий ярко выраженной агрессивной направленностью. Именно такая популярность является важнейшим фактором общественного признания реальности, доступ к которой открывается через слом норм и привычных ценностей. Это признание способствует ее объективации и *существованию* с правом, моралью, традициями и иными нормирующими формами культуры. Сегодня можно абсолютно уверенно говорить о стирании различий между миром нормальным, «добрым», законопослушным, нравственно приемлемым и миром ему противоположным, криминальным, приветствующим и оправдывающим жестокость, насилие, безобразие и уродство, боль и страдание и, главное, все это морально и даже логически объясняющим. Агрессия стала нормой. А для рыночной модели социально-экономического развития она весьма удобна как поставщик такого ядра мировоззрения его носителей, которое ориентировано исключительно на дальнейшее поглощение реальности. Агрессивное сознание исторически изначально выступало наиболее приемлемой формой индивидуаль-

ного поведения, общения, деятельности в капиталистическом мире, так как только в качестве экспансионистски расширяющегося «суперэго» субъект рынка мог существовать, развиваться, сохранять собственную идентичность. Сегодня же удивительным является тот факт, что культ крушений, насилия, жестокости крепнет прямо пропорционально производству гедонистически ориентированных жизненных платформ (ряд авторов определяет их как «посткапиталистические» [16]). Кроме того, развитие цифровых технологий и «погружение» индивида в бесконечные просторы виртуальной реальности [17, с. 69], миф которой активно поддерживается всеми современными индустриями [18, с. 468], отнюдь не способствует замещению агрессивной трансгрессии в эмпирическом мире ее «цифровым» изданием. Попытаемся найти объяснение данному противоречию.

Современная цивилизация со всеми ее благами, достижениями науки и техники сделала жизнь человека более комфортной, приятной, сопряженной с обустроенными способами получения удовольствий. *Гедонизм* – отличительная черта мироощущения современника. Простому смертному все самые «великие» и «высокие» достижения цивилизации, культуры, даются в его *непосредственном повседневном* опыте. Внутри него формируется *его мир* со всеми, даже самыми отвлечёнными, смыслами и ценностями. *Возможные миры иных опытов*, как показывает история, даны уже не многим, а лишь малой части, собственно, тем, кто и выступает субъектом познания или подлинного творчества, мистического проникновения или открытия. Трансгрессия же – *общее* «сквозное» свойство и природы самого человека и всей совокупной культуры как реальности, существующей помимо природы естественной. В этом один из глубинных истоков гедонистически ориентированной позиции подавляющего большинства людей (и соответствующей жизненной «философии»).

Чтобы этот его мир в его опыте конструктивно, *позитивно*, соотносился с его же смысловыми стратегиями, он должен быть, как минимум, *приятным*. Какие-то другие критерии осмысленности и ценности подавляющему большинству людей неведомы или ведомы как предмет лишь отвлеченного и потому мало впечатляющего формального *знания*. В этом одна из ключевых причин устойчивости гедонистического мировоззрения. В бесконечном «празднике жизни», который нынче наполняет урбанизированное жизненное пространство, танатальная

энергия отнюдь не исчезает, а ищет способ «прорыва» к реальности. Гедонистическая установка даже способствует росту «желания крушить», в котором тоже аккумулируется «приятное». Те же, кто причастен к производству «приятного», по-видимому, исходят именно из такого понимания. Основной расчет и делается на то, чтобы всячески приучать и научать индивида тому, что ценность и смысл не могут быть в принципе даны как-то *иначе*, кроме как в его чувственном и рассудочно-потребительском опыте [19–21]. Опыт иной – уже не требует совершения *покупки*. А рынок репрессивен и настойчиво требует свое. Очень точно об этом написал К. Лэш: «Единственная вещь, запрещенная нашей культуре выставления всего напоказ, это склонность запрещать – полагать предел разоблачению» [5, с. 156].

Современный этап экономического развития практически всеми учеными единодушно связывается с совершенствованием сферы услуг, повышением роли ИИ и увеличением доли креативной составляющей во всех производственных отраслях [22–24]. В товар сегодня превратились практически все вещи и процессы, которые составляют непосредственное наполнение жизни каждого человека. Царят реклама, мода, бренды, стили, гламур, культ новизны. И так происходит уже совершенно независимо от географической и социально-культурной локации. Технологии и интерес капитала стремительно переплавляют этнические, лингвистические, гендерные и ментальные границы. Но это приводит не только к позитивным следствиям.

Жажда наслаждения, постоянно питаемая самой «цивилизацией досуга» [25] в качестве надежного поставщика и субъекта насыщаемого спроса и субъекта столь же безмерного потребления, притупляет человеческую чувственность и чувствительность, не требует более от субъекта потребления и наслаждения высокого уровня образования и совершенствования нравственного опыта, *самосознания*. Прирост капитала в постиндустриальной экономике возможен лишь при условии не только сбалансированного роста и спроса и предложения, но и постоянного культивирования самой *жажды желания*: экзистенциальный опыт индивида, его аксиологические координаты, сводятся к различным формулам жизненного «успеха», за которыми стоит умелая технология расширения потребления до масштабов Вселенной. Акцент на желании помогает справиться с различиями социального и культурного планов [26; 27]. Так как готовность желать

чего-либо и тем самым доказывать и утверждать *как бы объективно и предметно* собственную свободу (волшебное «я хочу...») рекламируется и подается всему миру как то, что, собственно, и маркирует искомое *благо* цивилизации, доступное *всем*, независимо от какой бы то ни было исторически или генетически обусловленной идентичности. Повышение доли аудиовизуальных компонентов в коммуникативном пространстве современного общества также активно способствует тому, что именно низший уровень человеческой субъективности (чувства, инстинкты, импульсивные эмоции, такие как страх и примитивное наслаждение) становится доминирующим [28]. Думать, познавать, трудиться – *не обязательно*. Достаточно созерцать, просто присутствовать где-то, тактильно ощущать. Реальность превращается в *smart-поверхность*.

Кроме того, само различие фундаментальных оппозиций культуры, прежде всего, таких как «добро» и «зло», «жизнь» и «смерть», сведено к элементарному знаковому обмену, не имеющему ничего общего с той внутренней и противоречивой работой *личности*, о которой так много было сказано в крупнейших религиозных и философских системах прошлого. Для Эроса современный мир предоставляет практически бесконечное поле возможностей. Сами эти удовольствия сегодня уже не являются чем-то «запретным», неизведанным, остро желанным и источающим особый магнетизм. *Все известно, все прозрачно, все дано и, главное, все можно*.

Бесконечные конфликты по всему миру, войны, растущий вал различной преступности, популярность и привлекательность криминальной субкультуры, свидетельствуют о том, что аналогичное потребителю и эротическому, желание разрушения, опыта смерти и страдания, ныне все более обретает черты не насыщаемого. «Зло» действительно стало «прозрачным», как точно отметил Бодрийяр [2]. Чаще всего его причины известны, его следствия также очевидны. Общество в лице своих институтов и государственных структур с ним борется и иногда даже вполне успешно. *Но меньше его не становится*. Оппозиции крепнут, а «среднее» – то, в чем хотел бы спокойно и мирно пребывать рядовой житель железобетонного муравейника, – растворяется в крайностях [3]. Жажда экстрима доходит до порнографически обнаженной жажды смерти, созерцания всего ужасного, мрачного, безобразного, жестокого. Сегодня экстремальность стала ведущим индикатором *подлинного* в сознании и восприятии массового потребителя. *В качестве*

экстремальных и эротическое и танатальное – уравнены.

Агрессия всячески культивируется вместе со страстью; насилие, сила и умение разрушать эстетизируются, причем нередко в десублимированной форме. Культ насилия и криминала в жизни и на экране, приводит к диффузии границ запретного, к тому, что «темное» все более и более и все далее и далее *отодвигается* в «анатомически» детализируемой реальности жизни. Пользователь перестает видеть то, что хочется, и всякий раз возникает вопрос (знак желания) – *в чем же притаилось то самое заветное-запретное?* С этим вопросом и связано укрепление агрессивного сознания: чтобы получить *доступ* к желаемому, нужно *еще дальше* продвинуться в настойчивом срыве культурно нормированных оболочек. На наш взгляд, очень точно выразил суть преступного поведения и мышления в современном гедонистически настроенном обществе Жиль Липовецки. Приведем здесь цитату из его известной книги «Эра пустоты», в которой раскрываются причины роста популярности криминала с одновременным укреплением доступности «зла» в обществе, ориентированном на правовую «открытость» и ценность «правды». «Система потребления гораздо радикальнее разрушает традиционные структуры и личности... Повсюду процесс персонализации разрушает личность; если посмотреть на нее с лицевой стороны, то она растрескивается по линиям нарциссизма и умиротворения; если же взглянуть с тыла, то в ней проглядывают черты громилы и насильника. Гедонистическое общество безотчетно создает взрывчатую смесь, успев окунуться в водоворот чести и насилия» [4, с. 298].

Если мы внимательно посмотрим на экранный образ криминала, то его популярность и одновременно продаваемость, прямо пропорциональна степени откровенности, с которой демонстрируется, например, убийство. Не случайно в подавляющем большинстве голливудских «экшенов», в которых криминальная тематика лидирует по сюжетам и по масштабу реализма изображения, сцены насилия, убийств, крушений, чередуются со сценами сексуальных сессий (иногда накладываются друг на друга). Эстетика телесной красоты и сексуальной энергии пососедски контрастирует с эстетикой уродства, кровавых убийств, боли и увечья. В массовом восприятии изображение насилия и страдания, лжи и жестокости, оценивается почти всегда как более «правдивое», более точное, в сравнении с образами «хорошего». Для потребителя «прав-

да» – всегда в *деталях*. К ним всегда сводится рассуждение о сущности чего-либо. А детали хороши, когда на них можно посмотреть или к ним прикоснуться. «Хорошее» же лишь вызывает иронические отклики: идея спокойствия и *мира* связывается с идеологией *умиротворения* и ослепления (которая нередко подается как знак регресса и слабости). Сегодня более ликвидна идея войны, которая обрастает особой поэтикой и экономикой. *В массовой культуре мифы приносят прибыль.*

Явление преступления в современном мире потому и получило такие широкие культурные коннотации и фактически прочно вошло в глубокие слои коллективного опыта, что, совершенно независимо от содержания конкретного нарушения закона или моральной нормы, независимо от получаемой оценки со стороны общества, государства и другого человека, *оно словно насыщает современный культурный массовый опыт теми образами и смыслами, красками и картинками, которые помогают алчно жаждущему потребителю пережить ставшее прозрачным зло.* И такое переживание, что самое главное, отнюдь не способствует укреплению нравственного иммунитета того, кто созерцает «зло». Как очень точно отметил тот же Ж. Липовецки, «Постмодернистское общество – это общество, где царствует всеобщее равнодушие» [4, с. 22–23]. Потребитель яркой «картинки» преступления равнодушен к самому акту нарушения границ, которые создают привычную для него нормальную приятную и интересную жизнь. Точно также, как он остается безразличен и к акциям реального добра (в обществе, в котором царит идеал «всеобщей гуманности» и «прав личности», такие акции нередко шаржируются или просто вырождаются в спектакль). Страдание и боль, любовь и преданность в том виде, в каком они подаются с экранов или внутри Сети, в лучшем случае могут заполнить информационный вакуум в сознании реципиента. Современник предпочитает о «добре» и о «зле» просто поговорить, посмотреть на него, прочитать о нем; принимать же в нем личное участие он готов редко. «Жесткая форма, – утверждает Ж. Липовецкий, – не выражает импульсивности и не компенсирует ее недостатка; ...Остается бежать вперед, по спирали максимализма, оттачивая детали ради деталей, остается сверхреализм насилия, с единственной целью – ошеломить, произвести фурор и сенсацию» [4, с. 295].

Говоря о том, что мир, насыщаемый опытом агрессивной трансгрессии, составляет се-

годня более чем существенную долю жизни общества, не следует забывать и о том, что само по себе культурное кодирование «зла» – не ново. Было бы заблуждением считать интерес к нему изобретением только модерна или постмодерна. Агрессивная трансгрессия имеет глубокие исторические корни. Хотя именно Новое и Новейшее время стали эпохой переоткрытия криминального мира, его расширением, проникновением в поры всего общественного организма. Если говорить о российской аудитории, то по вполне понятным причинам глубочайшего социокультурного кризиса, вызванного крушением советской государственности и идеологической системы, конец прошлого века стал временем пиковой популярности криминальной субкультуры и вообще девиантной модели жизнеутверждения. Преступный мир виделся обывателю вотчиной не столько зла и жестокости, сколько той самой жизненной «правды», *истины*, которой так не хватало в условиях малоэффективного государственного регулирования духовной сферы и коммуникации.

Анализ показал, что всеобщее признание и своеобразное философское «одобрение» де-структурированности и трансгрессивности как наиболее масштабного проявления «свободной» человеческой индивидуальности, не дает исчерпывающего ответа на вопрос о природе и причинах роста именно агрессивности как ведущего вектора мировоззрения современника, его психоэмоционального строя, этического выбора и целеполагания. Проблема, которая остается актуальной для современных гуманитарных исследований, в своем решении не исчерпывается признанием относительного характера различных пределов и границ. Агрессия, которая на протяжении всей известной истории сопровождала людей в войнах, массовых эпидемиях, страданиях, нищете, голоде и унижениях, только в наше «прогрессивное» время получает мощнейший импульс и энергию отнюдь не от нерешенных экономических или политических противоречий.

Вопрос, на который современной науке и в том числе философии, еще только предстоит дать ответ, – существует ли связь между диффузией границ нормального и не-нормального в современной культуре и укреплением позиций агрессивного сознания (в том числе, в опыте слома существующих граней коллективного опыта)? Традиционная оценка сущности агрессивного мышления и поведения связывала его причины с подавлением индивида различными социаль-

ными, материальными, правовыми, символическими и иными структурами, формами и просто господствующим «порядком вещей» (примером такой оценки была эстетика романтизма и, позднее, частично, классический психоанализ). Ситуация нашего времени свидетельствует о том, что упразднение таких пределов, в том числе на уровне тиражируемых паттернов и ценностей, приводит к еще большему росту агрессии.

Агрессия и агрессивное сознание, продуцирующее определенные модели поведения, общения, мышления и деятельности, представляют собой неотъемлемую часть жизни индивида и общества. На современном этапе культурной эволюции становится очевидным, что в числе глубинных причин доминирования агрессивного сознания находятся отнюдь не только определенные ограничения и лишения, налагаемые внешним, в том числе правовым, образом. Расширение и укрепление свободы, универсализация правовых и моральных механизмов ее регуляции, парадоксальным образом не отменяют первичное с исторической точки зрения желание человека преодоления различных барьеров.

Суть агрессивного сознания и поведения человека таится вовсе не в желании разрушения границ личной свободы. Негативная энергия агрессии питается из *внешнего* источника – сама социально-культурная реальность, прочно сращенная с правовыми и институциональными формами (и практиками), сегодня не в состоянии предложить «свободному» индивиду *иные* продуктивные формы и способы самоутверждения, отличные от методов переступания границ.

Без агрессии в современном мире уже невозможно представить рядовой повседневный опыт индивида, так же точно, как и усложняющиеся формы борьбы с ней, (через структуры права, суда, общественного контроля, идеологии, морали и пр.). Тиражируемый идеал «правового государства» фактически акцентирует лишь «количество» свободы, рост которого уже не стимулирует человека к творчеству и лишает его чувства смысла и ощущения подлинности собственного существования. – *Границы или пределы, опытом отрицания которых выступает агрессивное сознание, отодвигаются все далее и далее.* Трансгрессивная составляющая природы человека для собственной реализации в своем продвижении к данным пределам будет становится все агрессивнее, а значит и будет расти степень энергичности слома границ, степень жестокости и цинизма в готовности двигаться дальше.

Список источников

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности /Пер., авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с. С. 234–318.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, Изд-во КДУ, 2012. 258 с.
3. Коуэн Т. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации? М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 330 с.
5. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: «Логос», «Прогресс», 2002. 224 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.
7. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111–131.
8. Foust C. Transgression as a Mode of Resistance: Rethinking Social Movement in an Era of Corporate Globalization. Lexington Books. 2010. 256 p.
9. Jenks C. Transgression. Key Ideas. Routledge. 2003. 216 p.
10. Lippens R., Hardie-Bick J. Short Editorial Introduction: Transcendence and Transgression // Spinger Science + Business Media. Special Issue. 2012. P. 347–349. doi.org/10.1007/s10746-012-9240-2.
11. O'Neill M., Seal L. Transgressive Imaginations: Crime, Deviance and Culture. Palgrave Macmillan. 2012. 196 p.
12. Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. Cornell University Press. 1986. 228 p.
13. Wolfreys J. Transgression: Identity, Space, Time. Palgrave Macmillan. 2008. 240 p.
14. Bruce A. Arrigo. The Ultramodern Condition: On the Phenomenology of the Shadow as Transgression // Human Studies. 2012. Vol. 35. Issue 3. P. 429–444.
15. Bruce A. Arrigo, Brian Sellers & Jo Sostakas. Pre-crime, Post-criminology, and the Captivity of Ultramodern Desire // International Journal for the Semiotics of Law – Revue Internationale de Sémiotique Juridique. 2020. Vol. 33. Issue 2. P. 497–514.
16. Coe N. and H. Yeung. Global Production Networks: Theorizing Economic Development in an Interconnected World. Oxford: Oxford University Press. 2015. 317 p.
17. Махлина С. Т. Иммерсивность в современной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2022. № 3 (52). С. 69–79.
18. Potts Jason D. and Hartley, John and Banks, John A. and Burgess, Jean E. and Cobcroft, Rachel S. and Cunningham, Stuart D. and Montgomery, Lucy Consumer co-creation and situated creativity // Industry and Innovation. 2008. Vol. 15. Issue 5. P. 459–474.
19. Pratt A. Creative clusters: towards the governance of the creative industries production system? // Media International Australia incorporating Culture and Policy. 2004. P. 50–66.
20. Pratt A. The cultural economy, a call for spatialised «production of culture» perspectives // International Journal of Cultural Studies. 2004. Vol. 7. Issue 1. P. 117–128.
21. Carey J.W. Communication as Culture: Essays on media and society. Boston: Unwin Hyman. 1989. 234 p.
22. Cascio C.N., O'Donnell M. B., Tinney F. J., Lieberman M. D., Taylor S. E., Strecher V. J., Falk E. B. Self-affirmation activates brain systems associated with self-related processing and reward and is reinforced by future orientation // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2016. Vol. 11 Issue. 4. P. 621–629.
23. Garnham N. Information society as theory or ideology // Information, Communication and Society. June 2000. Vol. 3. № 2. P. 139–152.
24. Kloosterman R.C., Beerepoot N. and Lambregts B. Service-sector driven economic development from a historical perspective // Lambregts B., Beerepoot N. and Kloosterman R. C. (Eds.). The Local Impact of Globalization in South and Southeast Asia: Offshore Business Processes in Services Industries. Oxford, New York: Routledge. 2015. P. 17–28.
25. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83–88.
26. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: пост-капитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
27. Срничек Н. Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса // Художественный журнал. 2016. № 99. С. 90–103.
28. Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. New York: Oxford University Press, 1993. 177 p.

References

1. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness: Translation* / Avt. vstup. st. P. S. Gurevich. Moscow: Respublika, 1994. 447 p. P. 234–318. (In Russ.).
2. Baudrillard J. *Transparency of evil*. Moscow: Dobrosvet, KDU Publishing House. 2012. 258 p. (In Russ.).
3. Cowan T. *The Middle Is No Longer Given: How to Get Out of the Era of the Great Stagnation*. Moscow, Gaidar Institute Publ. 2015. 320 p. (In Russ.).
4. Lipovetsky J. *The Age of Emptiness. Essay on Contemporary Individualism*. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ. 2001. 330 p.
5. Lash K. *The uprising of the elites and the betrayal of democracy*. Moscow: Logos Publishing House, Progress Publishing House. 2002. 224 p. (In Russ.).
6. Foucault M. To supervise and punish. The birth of prison. Moscow, Ad Marginem Publ. 1999. 480 p. (In Russ.).

7. Foucault M. On Transgression. *Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Middle of the XX Century*. St. Petersburg, Mifril Publ. 1994. P. 111–131. (In Russ.).
8. Foust C. *Transgression as a Mode of Resistance: Rethinking Social Movement in an Era of Corporate Globalization*. Lexington Books. 2010. 256 p.
9. Jenks C. *Transgression. Key Ideas*. Routledge. 2003. 216 p.
10. Lippens R., Hardie-Bick J. Short Editorial Introduction: Transcendence and Transgression. *Spinger Science + Business Media. Special Issue*. 2012. P. 347–349. doi.org/10.1007/s10746-012-9240-2.
11. O'Neill M., Seal L. *Transgressive Imaginations: Crime, Deviance and Culture*. Palgrave Macmillan. 2012. 196 p.
12. Stallybrass P., White A. *The Politics and Poetics of Transgression*. Cornell University Press. 1986. 228 p.
13. Wolfreys J. *Transgression: Identity, Space, Time*. Palgrave Macmillan. 2008. 240 p.
14. Bruce A. Arrigo. The Ultramodern Condition: On the Phenomenology of the Shadow as Transgression. *Human Studies*. 2012. Vol. 35. Issue 3. P. 429–444.
15. Bruce A. Arrigo, Brian Sellers & Jo Sostakas. Pre-crime, Post-criminology, and the Captivity of Ultramodern Desire. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue Internationale de Sémiotique Juridique*. 2020. Vol. 33. Issue 2. P. 497–514.
16. Coe N. and H. Yeung. Global Production Networks: *Theorizing Economic Development in an Interconnected World*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 317 p.
17. Makhlina S. T. Immersivity in Modern Culture // *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2022. № 3 (52). P. 69–79. (In Russian)
18. Potts Jason D. and Hartley, John and Banks, John A. and Burgess, Jean E. and Cobcroft, Rachel S. and Cunningham, Stuart D. and Montgomery, Lucy Consumer co-creation and situated creativity. *Industry and Innovation*. 2008. Vol. 15. Issue 5. P. 459–474.
19. Pratt A. Creative clusters: towards the governance of the creative industries production system? *Media International Australia incorporating Culture and Policy*. 2004. P. 50–66. DOI:10.1177/1329878X0411200106.
20. Pratt A. The cultural economy, a call for spatialised «production of culture» perspectives. *International Journal of Cultural Studies* 2004. Vol. 7. Issue 1. P. 117–128. doi.org/10.1177/1367877904040609.
21. Carey J. W. *Communication as Culture: Essays on media and society*. Boston: Unwin Hyman. 1989. 234 p.
22. Cascio C.N., O'Donnell M.B., Tinney F J., Lieberman M.D., Taylor S.E., Strecher V.J., Falk E.B. Self-affirmation activates brain systems associated with self-related processing and reward and is reinforced by future orientation. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2016. Vol. 11 Issue. 4. P. 621–629. DOI:10.1093/scan/nsv136.
23. Garnham N. Information society as theory or ideology. *Information, Communication and Society*. June 2000. Vol. 3. №. 2. P. 139–152. DOI:10.1080/13691180050123677.
24. Kloosterman R.C., Beerepoot N. and Lambregts B. Service-sector driven economic development from a historical perspective. Lambregts B., Beerepoot N. and Kloosterman R. C. (Eds.). *The Local Impact of Globalization in South and Southeast Asia: Offshore Business Processes in Services Industries*. Oxford, New York: Routledge. 2015. P. 17–28.
25. Dumazedier J. On the Way to the Civilization of Leisure. *Bulletin of Moscow State University. Series 12. Socio-Political Research*. 1993. No. 1. P. 83–88. (In Russ.).
26. Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Post-Capitalism and a World Without Work*. Moscow: Strelka Press. 2019. 336 p. (In Russ.).
27. Srnicek N. Navigation on Neoliberalism: Political Aesthetics in the Era of Crisis. *Art Journal*. 2016. No. 99. P. 90–103. (In Russ.).
28. Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York: Oxford University Press. 1993. 177 p.

Шифр специальности: 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).

Информация об авторе

О.А. Голубева – старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Information about the author

O.A. Golubeva – senior lecturer at the Department of Criminal Procedure. Federal State Educational Institution of Higher Education, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83 Yeremenko St., Rostov-on-Don, 344015.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 29.10.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.